

— Я тайно следил за вами, но вы, общаясь с императорским двором, разве не следили за мной?
— Хо Линьфэн методично разложил всё по полочкам, от начала до конца. — Больше всего я не могу принять то, что ты сомневаешься в моей искренности после того, как мы стали вместе. Хо, конечно, всегда славились верными подданными и доблестными военачальниками, но даже они не доходят до того, чтобы жертвовать своим счастьем ради долга.

Каждое слово, каждая фраза звучали словно выстрелы, и Жун Лоюнь слушал, ошеломлённый. Щека его нагрелась, когда Хо Линьфэн, подняв лицо, коснулся её своим дыханием:

— Если бы я не был искренен, то просто разоблачил бы себя и ушёл. Зачем мне было умолять тебя о жалости?

— Сяо Жун, пожалей меня.

Сердце Жун Лоюня сжалось от боли, словно его выкручивал этот сайбэйский варвар. Закрыв глаза, он немного успокоился и тихо сказал:

— Я больше не злюсь, но и не хочу продолжать с тобой отношения.

Хо Линьфэн резко изменился в лице. Его цель была помириться, а что это за ответ?!

Жун Лоюнь продолжил:

— Сейчас ты снова стал генералом Хо. Для тебя это просто восстановление статуса, а для меня это значит, что ты стал другим человеком.

Он любил Ду Чжуна. Ду Чжуна, у которого не было ни отца, ни матери, который жил вместе с братом, был способным учеником и любил переступить границы. Ду Чжун часто подтрунивал над ним, а потом утешал, и одно слово «гунчжу» заставляло его сердце трепетать. Он говорил, что будет хранить Ду Чжуна в своём сердце, и именно потому, что хранил его там, это чувство было особенно глубоким.

Хо Линьфэн почувствовал странную горечь в носу. Ду Чжун, которого он изображал, был первым, кого полюбил Жун Лоюнь, и тот настолько дорожил им, что не мог принять его настоящего. Он был и тронут, и раздосадован, не в силах выразить свои чувства.

После долгого молчания он сказал:

— Ты полюбил Ду Чжуна не из-за его происхождения, а из-за его характера, внешности и того, как он относился к тебе. Хо Линьфэн такой же, ты понимаешь?

Жун Лоюнь, казалось, что-то уловил, но не до конца. Вдруг он почувствовал лёгкий запах крови.

Они обнимались так плотно и так долго, что рана на плече Хо Линьфэна, раздавленная, снова открылась. Хо Линьфэн, морщась от боли, воспользовался моментом и попросил:

— Рана сильно болит, сможешь сменить повязку?

Жун Лоюнь кивнул и, наконец, слез с его колен. Он порылся в ящиках, нашёл марлю и лекарство, вернулся к столу и увидел, что Хо Линьфэн, измученный, уже крепко спал.

Он перенёс его на кровать, развязал пояс, снял одежду, обнажив крепкое тело. Сняв пропитанную кровью марлю, он наконец увидел, насколько глубока эта рана, и не знал, какой

шрам она оставит.

Аккуратно перевязав рану, он должен был одеть его, но застыл на месте.

Жун Лоюнь осторожно протянул руку, коснувшись кончиками пальцев живота Хо Линьфэна, где был шрам от ножа. Пальцы скользнули вдоль мышц, переместились к талии, затем к груди, ключице и, наконец, остановились на горле.

Он надавил на кадык, заставив Хо Линьфэна издать звук «хм». Пальцы продолжили свои шалости, скользнули по длинной шее, коснулись щетины на подбородке. Она действительно кололась, не больно, но щекотала.

В этот момент Хо Линьфэн невнятно пробормотал что-то во сне.

— Что? — Жун Лоюнь наклонился ближе. — Что ты сказал?

Хо Линьфэн пробормотал:

— Сяо Жун, Лоюнь...

Жун Лоюнь сжал губы и тихо ответил.

Хо Линьфэн добавил:

— Попка такая мягкая...

Жун Лоюнь широко раскрыл глаза, щёки его покраснели, как будто их намазали румянами. Что за непристойный сон ему снится? Он вскочил с кровати, резко отдернул полог и быстро ушёл.

Выйдя за дверь, он вдруг остановился, застыв, сгорая от стыда.

Он потянулся рукой назад, потрогал свою попу. Похоже, она действительно...

Голова Жун Лоюня закружилась, словно он стал каким-то потерявшим стыд студентом, нарушившим обет монахом или лишившейся невинности девушкой. Он побежал, спрятавшись в дальнем конце коридора, чуть не сбив Жун Дуаньюй.

— Что случилось? — спросила Жун Дуаньюй.

Жун Лоюнь, заикаясь, ответил:

— Ни-ничего.

Он вытер пот.

— Хо Линьфэн спит, утром он уедет, я... я сначала вернусь в Дворец Буфань.

Сказав это, он побежал, боясь, что Жун Дуаньюй станет задавать вопросы.

Уже была глубокая ночь, когда он вернулся в Дворец Буфань, все здания были погружены во тьму. Жун Лоюнь не стал зажигать свет, в темноте прошёл в свою комнату в Безымянной обители и, не раздеваясь, плюхнулся на кровать.

Ду Чжун — это Хо Линьфэн. Хо Линьфэн — это Ду Чжун.

Он, как монах, повторял это в уме, размышляя, пока не уснул.

Летняя ночь, крик цикад заглушал пение птиц и мог продолжаться до самого утра.

На рассвете Лу Чжунь вышел из Павильона Цанцзинь и пошёл по улице. Проходя мимо лотосового пруда, он увидел Дяо Юйляна, плывущего на лодке.

— Лао Сы, так рано встал.

— Саньгэ, ты тоже рано.

— Я иду в Безымянную обитель проведать Эргэ, а ты?

— Я тоже хочу проведать Эргэ.

Лодка причалила, Дяо Юйлян подбежал, и его обнял Лу Чжунь. Они, обнявшись, пошли к Безымянной обители. Один хотел поговорить, чтобы получить серебро, другой — передать сообщение, чтобы попасть в армию.

Жун Лоюнь ещё не знал, что два предателя приближались. Он спал, свернувшись калачиком, и видел сон, как Ду Чжун возвращается на коне. Тот протянул к нему руки, назвав его «гунчжу», и он радостно побежал к нему.

— Ду Чжун...

Жун Лоюнь протянул руку, коснувшись чего-то пушистого. Смущённо открыв глаза, он увидел Лу Чжуня и Дяо Юйляна, лежащих рядом на кровати и смотрящих на него с искренними лицами.

Жун Лоюнь испугался, резко отодвинулся вглубь кровати.

Увидев, что он проснулся, Лу Чжунь встал, чтобы принести медный таз с водой и полотенце. Дяо Юйлян подобрал одежду и сложил одеяло. Жун Лоюнь умылся, оделся, и ему даже помогли надеть обувь.

Закончив, Лу Чжунь спросил:

— Эргэ, ты простил Хо Линьфэна?

Жун Лоюнь кивнул. Дяо Юйлян поспешил спросить:

— Что ты планируешь делать сегодня?

Жун Лоюнь ещё не решил. Лу Чжунь снова спросил:

— Ты помирился с Хо Линьфэном?

Жун Лоюнь покачал головой. Дяо Юйлян спросил:

— Будешь тренироваться или читать?

Жун Лоюнь не выбрал ни того, ни другого. Лу Чжунь снова спросил:

— Почему ты всё ещё сомневаешься? Думаешь, что фамилия Хо хуже, чем Ду?

Жун Лоюнь, не в силах больше терпеть, схватил обоих за воротники и швырнул, затем пнул каждого. С утра они вели себя как сумасшедшие, вмешиваясь в его дела больше, чем старухи из Башни Чжаому.

Дяо Юйлян подполз и обнял его ногу:

— Эргэ, я расскажу Хо Линьфэну о твоём состоянии, чтобы попасть в армию, пожалуйста, разреши мне!

Услышав это, Лу Чжунь тут же бросился к нему:

— Эргэ, походи с Лао Сы! Если ты помирись с Хо Линьфэном, я получу тысячу лян...

Вот в чём дело — их подкупил богатый и влиятельный генерал Хо.

Весь утро эти два прилипалы не отставали от него: мешали ему писать, отбирали его лепёшку, оставляя следы от ног по всей комнате. Когда солнце уже высоко поднялось, он, измученный и вспотевший, наконец согласился.

Жун Лоюнь, ведомый Дяо Юйляном, радостно вышел из дома.

В это время в лагере шли соревнования, крики разносились далеко. Генерал Хо, ночевавший в борделе, закатал рукава, но не смог скрыть запах духов, и, опустив глаза, задумался.

Проснувшись утром, он сменил повязку на ране, но одежда была распахнута, и он услышал, что Жун Лоюнь ушёл прошлой ночью. Вспомнив что-то, он улыбнулся, и в этот момент солдат подошёл с докладом:

— Генерал, из Дворца Буфань пришли.

Хо Линьфэн предположил, что это Дяо Юйлян, и приказал:

— Приведите его сюда.

Через некоторое время их привели. Он, глядя сквозь толпу солдат, увидел, как Дяо Юйлян бежит, а за ним неспешно идёт Жун Лоюнь. Он замер, дождался, пока тот посмотрит на него, улыбнулся и протянул руку.

Жун Лоюнь, конечно, не взял её, объяснив:

— Лао Сы настоял, чтобы я пришёл.

Хо Линьфэна не интересовали причины, только настоящее. Он передал учётную книгу Ху Фэну и повёл Жун Лоюнь к стрельбищу, говоря по пути:

— Сегодняшние соревнования — это разделение на уровни. Эти солдаты далеко не так хороши, как ученики Дворца Буфань.

Жун Лоюнь кивнул:

— А после твоих тренировок?

Хо Линьфэн улыбнулся:

— Я сам раненый, не буду хвастаться.

Эта рана, казалось, не давала покоя: вызывала жалость, напоминала о долге и разряжала обстановку. Вокруг было мало людей, только они шли по центру луга. Жун Лоюнь, увидев мишени, сжал руку, потому что его конная стрельба была не очень хороша.

Хо Линьфэн спросил:

— Попробуешь?

Он повёл Жун Лоюнь в конюшню, вывел своего скакуна — тёмно-коричневого коня с каплями воды на гриве.

— Этот конь прошёл со мной много битв, — сказал он. — Его зовут Чэнфэн.

Жун Лоюнь удивился:

— Чэнфэн?

— Потому что он мой верный друг, — объяснил Хо Линьфэн. — Это значит «плыть по ветру».

Жун Лоюнь спросил:

— А что значит «Линьфэн»?

<http://bllate.org/book/16167/1449421>